

СВЕТЛАЯ ТАЙНА ЛИЦЕЯ

ТА ПУШКИНСКАЯ ДРУЖБА ТАК И ОСТАЛАСЬ ОДНОЙ ИЗ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЗАГАДОК РУССКОГО XIX ВЕКА

Ее пытались разгадать многие выдающиеся ученые и писатели двадцатого века, но феномен лицейской дружбы так и остался одной из удивительных загадок русского девятнадцатого века.

Утренняя электричка с Витебского вокзала, глухо замерзшие окна. Через полчаса - выходите, ваша станция. Пушкин. Царское Село. Привокзальная площадь в слабом утреннем просветлении. Пустынно везде, пасмурно. Объявления на столбах отдают сумасшествием: крупными буквами - «Пушкин», а мелкими - «меняю», «продаю», «ставлю металлические решетки недорого»... И очень холодно. Утешаю себя тем, что Пушкин тоже любил бывать в Царском Селе зимой, когда здесь не было придворной суеты и дачников.

В центре города - бистро «Дельви». Афиши сообщают, что в Пушкинском ДК - вечер отдыха для тех, кому за тридцать, а в кинотеатре «Руслан» сегодня фильм «Люди в черном»... В большом, богатом и южном городе все это показалось бы безвкусной декорацией или даже пошлостью. А здесь, под снегом, рядом с жизнью, отчаянно бедной, тихой, переполненной заботами о хлебе, о молоке, о коробочке лекарства, - рядом с этой жизнью, даже самые странные или смешные постороннему взгляду вещи исполнены достоинства. В бистро «Дельви» можно попросить стакан горячего чая и, обхватив ладонями стакан, долго греться в тепле. Спасибо, «Дельви»!

А вот синицы в лицейском парке так замерзли, что просятся на руки, подлетают близко в надежде на крошки и тепло человеческого дыхания. Лицей стоит в лесах, будто его еще строят. Правда, с одной стороны леса уже сняты, и здесь полукруглый фасад делает Лицей похожим на корабль, попавший в ледовый плен.

Пятница в музее - санитарный день, но я договорился заранее, что как раз в такой день поброжу по лицейским этажам. Светлана Васильевна Павлова, научный сотрудник музея, берет связку ключей, и мы поднимаемся наверх. Лицейисты жили под самой крышей, на четвертом этаже. «Дедушка наш Петр Иванович наслышан вошел на лестницу...» (из воспоминаний Ивана Пуштина). Да, эта лестница хороша для молодых - закручивается винтом, до четвертого этажа - восемьдесят одна ступенька.

Если посмотреть за окно, на придворную церковь, то видно, что бедные каморки лицейцев были расположены намного выше ослепительных залов соседнего Екатерининского дворца. Что-то неслучайное видится в этом обстоятельстве. Жизнь мальчиков была высоко поднята в буквальный смысл.

Светлана Васильевна включает свет, и несколько скрытых за арками ламп немного освещают длинный коридор, похожий на больничный. Справа и слева - небольшие, будто гардеробные, двери, на каждой прибиты номер и табличка с фамилией. В конце коридора - дверь в квартиру надзирателя и учителя рисования Чирикова.

- Оставляю вас, как вы просили, - говорит Светлана Васильевна и уходит. Я остаюсь один.

КОЙКА У ОКНА

Дверца под номером четырнадцать оказалась почти на середине коридора. С мальчишеской точки зрения, расположение вполне удобное - пока гувернер идет с того или другого конца коридора, тебя об опасности предупредят соседи. Правда, слева - арка, глухая стена, зато справа - Jeannot Пуштин, тринадцатый номер.

Лицею как-то не жилось без Пушкина. В начале мая 1820 года от внезапного пожара все четыре этажа Лицея выгорели почти дотла. Всем воспитанникам и преподавателям удалось спастись. Сильно по-

страдал и соседний Екатерининский дворец.

Вскоре Александровский Лицей перевели в Петербург, а здание вернулось дворцовым служащим. В двадцатых годах нашего века Лицей превратился в одну огромную коммуналку, где жили около двухсот человек, чадили примусы, сушилось белье на веревках, мерзли дети на железных горшках - и казалось, что это навечно. Юрий Тынянов, работая над романом «Пушкин», приезжал сюда в конце тридцатых годов, просил открыть для него запотевшее окно, ему хотелось увидеть то, что мог видеть четырнадцатый номер. Ему разрешили высунуться в форточку...

У Пушкина, как и у всех лицейцев, в комнате была всего лишь половинка окна. Одно, и без того небольшое, окно приходилось на двух лицейцев, и деревянная перегородка делила его строго пополам.

Определить место, где находилась лицейская комната Пушкина, удалось только в конце сороковых годов нашего века Николаю Павловичу Анциферову, выдающемуся петербургскому краеведу. Тынянов не успел узнать об этом. Он умер от рассеянного склероза в сорок четвертом. Говорят, что последнее время только имя Пушкина приводило его в сознание...

Внутреннее обустройство Лицея стали восстанавливать сразу после войны, но только в 1967 году местным властям удалось расселить последних обитателей коммуналки. Оказалось, что из-за толстой арочной стены пушкинская комната была одной из самых маленьких - три шага в длину и всего полтора шага в ширину.

...Я сел на стул в закутке между широким подоконником и железной кроватью, оглянулся вокруг... Неужели и при Пушкине стены были голые? Ведь, наверное, иконка висела в углу... Высокие потолки... они тоже не добавляют уюта. Это какие же печи здесь были, что согревали такое здание? Непременно и мерзнуть приходилось мальчишкам вдвое от домашних каминов. На ночь надевали колпаки и становились похожими на гномов из старых немецких сказок...

Колени у меня почти упирались в конторку - теснота, как в матросском кубрике. Федор Матюшкин, счастливо попавший прямо после выпуска в кругосветное путешествие, верно, часто вспоминал на корабле свою лицейскую келью.

БОГОМ ХРАНИМЫЕ

Перед отъездом из Царского Села Матюшкин писал своему товарищу Сергею Созонову (10 июня 1817 года): «Вчера, любезный Сережа, был у нас выпуск: Государь на оном присутствовал, посторонних никого не было: все сделалось так нечаянно, вдруг... Я вознамерен был, как ты видишь, издать тебе несколько раз, обещал поставить мне случай сделать морское путешествие. Капитан Головин отпрощается на Фрегате «Камчатка» в путешествие кругом света, и я надеюсь, почти уверен идти с ним. Наконец мечтания мои быть в море исполняются; дай Бог, чтобы ты был так счастлив, как я теперь. Однако мне не достает товарищей, - все оставили Царское Село, исключая меня...».

Вот ведь, только окончили Лицей, мальчишки по нашим временам, половине и восемнадцати еще нет, а Матюшкин - это уже Матюшкин, мореплаватель. Сергей Ломоносов - дипломат, едет секретарем посольства в Вашингтон. А Пушкин - это уже Пушкин!

И вот еще что поражает: только расстались, а Матюшкин уже тоскует - «мне не достает товарищей...» - и желает им счастья. Ломоносов из Вашингтона в первом же письме пишет: «Дай Бог всем лицейским счастья, - благополучие одного простирается на всех...» Пушкин стихотворение «Разлука» заключает строчкой:

«Пусть будут счастливы все, все...»

Это глубокое сердечное дружество так и осталось с ними, с первыми лицейцами, непонятое до конца ни родственниками, ни учителями, ни тем более потомками. Даже Юрий Николаевич Тынянов чувствовал, что он лишь приблизился к тайне, попал под ее обаяние, а разгадать ее, кажется, и ему не удалось. В конце романа Тынянов спрашивает себя грустно, с недоумением: «...Но откуда же это братство, почему Царское Село - отечество? Потому что они каждый день в один час вставали, ели одно и то же, по одному месту гуляли, у одних профессоров учились? Отсюда эта сумасшедшая близость на всю жизнь?..»

В двадцатом веке понятие дружбы, если и не утратилось вовсе, то сильно помрачилось. Революции, в которых целые сословия приговаривались к уничтожению. Идеология, согласно которой социальная принадлежность объявлялась главным критерием отношения к человеку. Деление на своих и чужих. Доносительство.

Негласный культ «блата» и «связей». И, наконец, исчезновение в языке всех оттенков добрых чувств - нет «приятельства», «товарищества», «дружества», «влюбленности», осталось одно холодное слово «партнерство».

Все это не прошло бесследно для души, для русской культуры. Иногда кажется, что необходимый для настоящей дружбы запас доверчивости, простодушия и бескорыстия почти исчерпан. Дружба в лицейском, чистом ее значении стала каким-то литературным или даже археологическим понятием. Это успели заметить еще сами лицейцы. В одном из своих поздних писем (Федору Матюшкину, 25 января 1852 года) Пуштин, вспоминая лицейскую дружбу, замечает, что для новых поколений она стала «преданием». Он пишет так: «Предание еще живое чего-то понятного для немногих...»

Семидесятисемилетний Иван Малиновский из своего села Каменки пишет такому же старику Комовскому, пишет сбивчиво, будто запыхавшись: «...А помнишь ли ты, что в 12 году мы 26 августа представляли ратников с вывороченными шинелями... Надо бы нам с тобой съехаться: то ли бы мы расшевелили из старины...»

Не съехались. А через три месяца после этого письма, 10 февраля 1873 года, Иван Малиновский умер. Оставались последние трое (Богом хранимые, как говорил Малиновский): Комовский, Корф и Горчаков.

Мудрый Юрий Михайлович Лотман писал о декабристах, что у них было особое детство, которое создает людей, уже заранее подготовленных не для карьеры, не для службы, а для подвигов. Людей, которые знают, что самое худшее в жизни - это потерять честь. Совершить недостойный поступок - хуже смерти...»

Двенадцатый год, который лицейцы пережили детьми, преподавал им любовь к Отечеству, сделал их историческими

Окно лицейской библиотеки.

Кюхельбекер, томившийся в одиночке, каждый год не забывал отметить в дневнике день рождения Пушкина. А Пушкин, отыскав в старых бумагах неопубликованную поэму своего друга, тут же принялся пробивать ее в печать. На помощь ему пришел бывший лицейист второго выпуска цензор Василий Семенов. Мистерия Кюхельбекера «Ижорский» была разрешена цензурой к напечатанию в день именин Вильгельма - 28 мая.

А сколько дружеских поступков остались в тайне, и мы о них никогда не узнаем! Такие отношения они считали единственно возможными для себя, ничего другого не ждали друг от друга - только хорошего, только высокого. Кюхельбекер, переведенный на поселение, первые письма пишет лицейским друзьям, а самое первое - Пушкину (12 февраля 1836 года): «Мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам, долг, потому что ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике... Не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного...»

Модест Корф, бывший в начале тридцатых годов уже на высоком посту управляющего делами Комитета при Совете министров, просит Александра Сергеевича помочь устроить на работу одного своего «бедного друга». При этом он пишет Пушкину нечто очень похожее на то, что писал «государственный преступник» Кюхельбекер из Сибири. «По старой памяти твоего доброго сердца...» - пишет Модест Андреевич, - ты не откажешься быть меценатом...»

...

В двадцатых числах апреля 1836 года Пушкин навестил могилу Дельвига на Волковом кладбище. Тогда же записал в свой блокнот: «Я посетил твою могилу - но там тесно. Les morts moi distraient («Мертвые занимают мои мысли») - теперь иду на поклонение в Царское Село».

Больше двадцати километров по не просохшему еще весеннему тракту. Рабочие, которые строили в этих краях первую в России железную дорогу, видели, наверное, странного господина в забрызганном грязью плаще, с тяжелой палкой. Из проезжавшего столичного экипажа его окликали, предлагая подвезти, но он отказался.

Дмитрий ШЕВАРОВ.

С.-ПЕТЕРБУРГ - МОСКВА.
Фото автора.

02.03.99

Пушкин